

Marriage and Family in the East: Russian view

N. L. Krylova¹

¹Institute for African studies of Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka str., Moscow 123001, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-20-35

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the peculiarities of marriage and family relations in the middle East. It is based on the reflections of a Russian woman who lived for many years in a marriage with a Syrian citizen. The Russian woman's view on different aspects of the phenomenon of the Eastern family, ways of integrating a foreign woman into Eastern society, taking place against the background of the activation of the processes of feminization of modern Western and neighboring societies, and the diversity of forms of emancipation of women.

Keywords: Middle East; Russia; marriage; family; epistolary; children; women's rights

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| Doc. Sc. (History), Main scientific employee

Брак и семья на Востоке: русский взгляд

Н. Л. Крылова¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-20-35
УДК 39 (394+396)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена особенностям брачно-семейных отношений на Ближнем Востоке. В ее основе – размышления русской женщины, многие годы прожившей в браке с гражданином Сирии. Взгляд россиянки на разные стороны феномена восточной семьи, способы интеграции иностранки в восточный социум, происходящие на фоне активизации процессов феминизации современных западных и соседствующих с ними обществ, разнообразия форм эмансипации женщины.

Ключевые слова: Ближний Восток; Россия; брак; семья; эпистолярный; дети; права женщин

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова Наталия Леонидовна	Е-mail: krylovanl@yandex.ru Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Супружество – одна из наиболее важных форм человеческих отношений. Каковы бы ни были рамки супружеской жизни, она функционирует как «наиболее устойчивый и надежный форум современной истории, место, где люди с наибольшей готовностью вкладывают свои усилия в попытки достичь терпимого и иногда созидательного баланса между индивидуальной свободой и развитием, с одной стороны, и долгосрочным комфортом и безопасностью, с другой стороны» [1, с. 4]. Брак – основа малой семьи и фундамент для производства и воспитания нового поколения – в то же время остается и наиболее уязвимым социальным институтом, а искусство семейной жизни – самым сложным из всех искусств, которым владеет человечество.

© Крылова Н. Л., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

С моей корреспонденткой Ниной С., экс-председателем организации соотечественниц «Дар» в г. Латакия, а в недалеком прошлом и председателем Координационного совета, куда входят организации соотечественников из 8 городов Сирии, и героиней этого материала, мы познакомились в Марокко, на конференции российских соотечественников, проживающих в странах Африки и Ближнего Востока. Собранный, сдержанный, внимательный, толково выступающий на заседаниях конференции и последовавший за ней круглый стол «Учитель и ученик в “русской” Африке»¹, она сразу запомнилась своими неординарными замечаниями и комментариями к выступлениям соотечественниц. Но более всего меня заинтересовала ее совершенно необычная для россиянок из «смешанных» браков точка зрения на особенности брачно-семейных отношений на Востоке как главный «фон» в адаптации русских женщин и шире – ее взгляды на группу вопросов, волнующих женщин, отправляющихся на постоянное место жительства в страны Ближнего Востока. Тогда же, в Касабланке, мы договорились о переписке².

Почему я предложила такую форму изложения мыслей о жизни женщины на Востоке? Как известно, человеческие намерения и встречные требования жизни нередко образуют противоречия между тем, к чему стремится сам человек, и тем, что может предложить ему жизнь. Об этом, пожалуй, наиболее выразительно свидетельствуют именно личностно наполненные тексты, в которых человек описывает свое мироощущение. Мой собственный исследовательский интерес к индивидуальному описанию, ориентированному на авторское внимание к элементам повседневности, объясняется многими причинами, связанными с реставрацией научного интереса к взгляду на социально значимые объекты или ситуации, требующие личностного подхода, к отходу от масштабных обобщений и возвращению исследовательского внимания к информационно надежным автодокументальным (в том числе эпистолярным) свидетельствам и растущей необходимостью индивидуализированного подхода к живому объекту, ждущему от взаимодействия с исследователем некоей камерности, психологического комфорта.

Письма моей корреспондентки – реальное подтверждение тому, что обращение к эпистолярным практикам, когда текст пишется на одном дыхании, без оглядки и подтасовки фактов, сводят к минимуму неизбежную субъективность отдельных оценок действительности, дают возможность услышать живой голос автора с его особым вниманием к со-

¹ Позднее Нина неоднократно участвовала в научно-практических – международных и региональных – мероприятиях с докладами и сообщениями, неизменно вызывавшими дискуссию.

² Личный архив Н. Л. Крыловой. Фонд не описан.

бытийному ряду, к структурам каждодневности, к обыденной речи [2]. Именно с помощью таких источников приходит понимание, каким образом культурно-историческое целое становится частью опыта отдельной личности. Конечно, история любого человека, его семьи уникальна лишь отчасти. В то же время исследование отдельно взятого, частного случая позволяет более глубоко подойти к изучению и пониманию проблем, связанных с существованием и жизнедеятельностью семьи. Именно поэтому в основу статьи положены письма героини к автору, поскольку «установка на подлинность» таких эго-текстов обладает особыми возможностями, не только эмоциональными, но и познавательными [3, с. 3, 4; с. 10–11].

Демонстрируя себя в письмах чутким бытописателем, реагирующим как на собственно предметность мира, так и на разнообразие его форм и воплощений, вычлняя те устои, которые остаются неизменными для любой эпохи человеческого бытия, моя корреспондентка, как всякая мыслящая женщина, не навязывает свою точку зрения. Она неторопливо и последовательно ее обосновывает, опираясь на почти 20-летний опыт жизни на Востоке, демонстрируя искренние симпатии к некоторым постулатам семейной жизни «по-восточному», что, несомненно, говорит об ее благополучной интеграции в принимающий социум. Последняя заключается не столько в принятии отдельных элементов, сколько в социальном и психологическом освоении нового типа ценностной системы отношений, а также в личной социально-психологической способности индивида пережить чрезвычайную ситуацию перехода от одних общественных порядков к другим. Во многих случаях для адаптации оказывается достаточным создания условий, позволяющих человеку извлекать выгоды из новой ситуации и более или менее успешно защищаться от ее проблем. Однако требуется еще адаптация социально-психологическая. Чувство неудовлетворенности, неприспособленности к новой жизни может возникнуть не только из-за реальной недоступности материальных или социальных благ, но и вследствие психологического дискомфорта, непривычности новых форм жизни [5, 6; 7, с. 4; 8]. В конкретной ситуации, судя по всему, эта адаптация состоялась.

Когда я читала эти письма, возникло некое двоякое ощущение. С одной стороны, они родились на основе воспоминаний о жизни в стране, которая долгое время находилась в состоянии войны и все еще ведет очень беспокойную, тревожную социально-политическую жизнь, и этот эпистолярный вдруг представлялся мне неким «оком» тайфуна, в котором, говорят, всегда царит покой и тишина. С другой стороны, некоторые пассажи писем многим могут показаться дискуссионными и даже неприемлемыми, особенно на фоне активизации процессов феминизации, эмансипа-

ции женщины (в том числе в границах семейного очага), борьбы многих современных женщин за свои права, за равенство между полами. Тем привлекательнее позиция Нины, способная в предлагаемом ею контексте вызвать дискуссию. «Конечно, – сказала Нина, прощаясь со мной в Марокко, – всякая попытка познать общество как целое будет иметь изначальные личностные ограничения, но я и не претендую на глобальность и истинность той картины, которую попытаюсь нарисовать в своих «зарисовках с натуры», надеясь донести ту тональность восточного общества, которая заметна «свежему взгляду». Поэтому приводимые ниже тексты остаются открытыми для обсуждения и критики, в которых мы обе – и автор статьи, и автор писем – готовы принять самое активное участие.

Письмо 1. «Тональность и ритм»

«Выехала я на Ближний Восток, а точнее, в Сирию в 1991 году, еще из Советского Союза (который был на последнем издыхании), по семейным обстоятельствам <...>, в возрасте вполне осознанном (чуть за тридцать).

Первое, что надо отметить: тональность и ритм жизни на Востоке – другие, чем <...> в России (о «западных» странах судить не берусь, там не жила). Это поначалу так сбивает с толку, что кажется, и мелодия здесь – другая. Однако основных мелодий (по моим наблюдениям) у человечества всего две – песня и марш. Песня – для каждодневной мирной жизни, ну, а времена марша – революции, конфликты и войны.

Итак, народ здесь живет неторопливо, я бы сказала, соразмерено человеческому естеству. Помните чудесный мультфильм советских времен «Паровозик из Ромашково»? Так вот, здесь всегда есть время остановиться для того, чтобы «услышать первую песнь соловья, увидеть первые весенние цветы, посмотреть на восход». В каждодневной жизни эта манера жить преломляется в готовность иметь детей, в неразрывные родственные отношения, в смирение перед божьим провидением, в восточное гостеприимство <...> в чашку кофе по-восточному. Ибо чашка кофе сопровождает восточного человека как самый преданный паж. Кофе пьют дома и в гостях, им начинаются и заканчиваются официальные визиты, им вас угостит хозяин частного магазина и хозяин государственного кабинета. Короче, вам всегда предложат чашечку кофе как знак доброжелательного к вам отношения, как приглашение к разговору, как дань восточной традиции. Честно говоря, поначалу я совершенно не понимала и не ценила эту традицию «чашки кофе». <...> кофе очень черный и горький, и чашечки, в которых его подают, маленькие–маленькие, а время, отведенное на это, минимум минут десять–пятнадцать (максимум – не определен). Но со временем, когда начинаешь ценить восточную манеру решать проблемы за чашкой кофе, и в плавной беседе, когда приглашение попить кофе яв-

ляется аналогом российского: “давай забудем обиды и выпьем за дружбу”, когда в большой шумной семье чашка кофе гарантирует тебе относительное одиночество (хотя бы на полчаса), когда в тревожном душевном состоянии чашка кофе в руках гадалки становится посредником с миром духов, то и кофе становится вкусным, и чашка – нормальная, а традиция – очень психотерапевтическая. И главное во всем этом: когда на Востоке пьют кофе, то и время начинает течь по-другому – ты никуда не опаздываешь, ибо ты там, где надо. Я же смею утверждать, что в наше суетное стрессовое время эта традиция (одна из многих) вносит в каждодневную жизнь восточного человека чувство уюта и душевного комфорта».

Письмо 2. «Жизнь как арабски»

«Уклад здешней жизни многослойный, многоуровневый и многогранный. Во-первых, Сирия совсем не однородна по этническому составу. Здесь живут арабы, турки, ассирийцы, черкесы, армяне, курды, ну, и мы, русские. Помимо разных народов в стране мы имеем присутствие и разных вероисповеданий. Конечно, основная часть исповедует ислам, хотя и он не однороден: очень большие различия в образе мировосприятия и каждодневной жизни между суннитом, шиитом и алявитом, хотя все они – мусульмане. Вторая религия по численности – христиане, причем православных (как здесь их называют – «ром-ортодокс») немало. (Замечу в скобках, что все эти христиане в основном – арабы). Есть большая община армян, а в городке Касаб, на границе Турции (это одно из самых живописных мест Сирии) их подавляющее большинство. Ну, а государство лишь поддерживает эту неконфликтность разных вер и народностей, а не навязывает искусственный интернационализм. Например, в Сирии праздничными (выходными) днями являются и день рождения пророка Мхаммада, и Рождество. Словом, здешнее общество, скорее, напоминает многослойный праздничный торт, чем пресную плоскую лепешку. Визуально это выражается в манере одеваться, причем настолько сильно, что иной раз, видя выходящих из университета подружек (мы живем с ним рядом), кажется, что это – коллаж: одна в длинном до пят пальто и платке, а другая - в короткой майке и узких модных брюках.

Так вот, чтобы все это жило тихо-мирно, необходимы механизмы саморегуляции общества. Этим механизмом, по-моему, является семья “по-восточному”. Эти семейно-клановые отношения как крем, который соединяет разные по составу коржи во вкусное единое целое (если говорить кулинарными терминами), а пронизывающие семейно-общественные связи делают почти невозможным “выпадение” человека из общей системы ценностей для данного сообщества. На практике это приводит к тому, что если и есть такие факты, как “беременность до брака”, то они столь ред-

ки, что это даже в обществе не обсуждается (ни я, ни мои здешние подруги и родственники о подобных фактах не слышали).

В отличие от стран Запада, нет у этого восточного общества проблем сексуальных меньшинств и наркомании, нет проблемы подростковой преступности, нет бездомных. Очень редки случаи суицида. Причина тому, по-моему, кроется в разном подходе к одной и той же проблеме у Востока и у Запада. У первых – это профилактика, у вторых – лечение. Можно провести аналогию с подходом человека к проблеме здоровья. Один человек, зная о том, что болезнь существует, пытается профилактическими методами не допустить ее появления (это восточный подход), а другой – живет “на авось”, когда же “вдруг” заболевает, то начинает с этой болезнью бороться “в полном объеме”. Как всегда, оптимальный вариант – синтез одного и другого. Я же рассказываю вам о восточном (профилактическом подходе), так как западный, думаю, вам и так хорошо уже знаком.

Уж не знаю, гармония ли это, и надолго ли, но на сегодняшний день, как верно заметила моя мама, когда жила у нас здесь – иногда по году, а один раз и два к ряду, – они (сирийцы) живут для себя *правильно*. И будет <...> жаль, если отлаженный механизм общественных отношений будет безжалостно сломан, и мы вместо будильника, который будит для дня грядущего, получим часовой механизм к запалу.

Восток живет *принципиально по-другому*, чем Запад, и, как минимум, нелепо пытаться оценивать этот факт в координатах “хорошо/плохо”. Для самого Востока этот принцип – правильный. Он дает возможность ему, Востоку, балансировать, как канатоходцу, между традицией и новаторством, медленно продвигаясь вперед. Когда же я говорю об отсутствии каких-либо отрицательных социальных явлений, то, конечно же, они могут присутствовать и присутствуют, вероятнее всего, в обществе, но не являются той критической массой, которая активно начинает влиять на жизнь всего общества, превращая ее порою в ад. По-моему, между единичными случаями и тенденцией есть столь большая качественная разница, что путаться в этом – значит, стать потенциальной жертвой пиарщиков. <...> лже-журналисты становятся как бы биноклем в руках “всесильных мира сего” и делают либо “из мухи слона”, чем заставляют общество прибегать к “хирургическому” вмешательству тогда, когда нужна лишь легкая “терапия”, либо уменьшают “тигра до комара”, тем самым доведя общество до хронической неизлечимой болезни.

Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, не сможет жить Восток “по-западному”, как, впрочем, и Запад “по-восточному”, однако надо же им как-то уживаться <...>. Это как в союзе двух людей, принципиально разных в некотором смысле, мужчины и женщины, и дети – это то, что меж-

ду ними, безусловно, общее. Семейей этот союз называется и является основой продолжения жизни рода человеческого <...>. И я думаю, именно институт семьи в данный исторический период человечества является самым главным полем боя (вспомните феминисток и однополые браки, примите во внимание разработку методик клонирования), так как именно в семье ребенок получает традицию “манеры жить” и личностную идентификацию, которая даст ему затем возможность противостоять культурному “размыванию” и социальному “обнулению”. Могу лишь снова повторить прописные истины о том, что сиротство, безотцовщина и подмена семьи общественными организациями приводит к увеличению числа либо потенциальных нахлебников, либо потенциальных преступников».

Письмо 3. «Мужчина – голова, а женщина – шея»

«До приезда в Сирию я успела побывать и комсомолкой, и атеисткой, и молодым специалистом на советском социалистическом предприятии, а следовательно, приехала на Ближний Восток с полным “джентльменским набором” представлений – что есть семья и каковы должны быть в ней отношения при равенстве прав женщины и мужчины. И, прожив здесь достаточно долго, чтобы иметь возможность сравнить <...>, могу со всей ответственностью сказать: причиной больших и крепких восточных семей является очень высокий статус в обществе мужчины и статус женщины-матери, а сама форма организации семейных отношений является гарантом социальной защищенности детства и старости.

<...> на Востоке любовь (в <...> российском понимании) не обязательный атрибут семейной жизни, хотя и желательный. Это, как в математике: есть условия необходимые, и есть – достаточные. Так вот, необходимым (а часто и достаточным) условием для крепкой восточной семьи является четкая ролевая установка и взаимное уважение. Нет, не будет восточная женщина “коня на скаку останавливать”, а вот сделать так, чтобы наездник сам возле нее остановил своего скакуна – сможет, потому что для восточного мужчины женщина – приз. В реальной жизни это значит лишь то, что жениться (а чаще всего лишь при этом условии впервые познать женщину) он может только тогда, когда у него есть жилье, когда у него есть стабильный доход, когда у него есть средства на период жениховства и на свадьбу. Такая маленькая деталь, но очень характерная для отражения финансовой тяжести цепей Гименея: здесь жених дарит невесте, как правило, золото, причем суммарный вес украшений, порой, бывает за полкило; в обязательном порядке составляется брачный договор, где прописывается обычно очень приличная сумма в качестве “отступного”, если разрывается помолвка со стороны жениха. Естественно, такие изначальные условия для сватовства делают нереальным же-

нитьбу в двадцать – двадцать пять лет. Чаще всего это – после тридцати-тридцати пяти. Невеста же, как ей и подобает быть, молода и красива, из хорошей фамилии (на Востоке очень большое значение придают “роду-племени”), желательно с образованием, более чем общеобразовательная школа (среднее образование в Сирии обязательно и для девочек, и для мальчиков). В среде “среднего класса” желательно, чтобы невеста имела и перспективу работы, причем свой заработок она не должна вносить в общий бюджет: обеспечение жизни семьи – дело мужское.

Для восточного уклада жизни, для восточного менталитета институт семьи – самоценен, ведь на нем держится саморегулирование социальных прав и обязанностей общества. На Востоке семья – действительно, ячейка, “первичный кирпичик”, благодаря здоровью которой государственная власть может не утруждать себя всяческими социальными фондами и институтами. Благодаря этому здесь нет – на уровне общественной – проблемы бездомных и беспризорных, нет матерей-одиночек (в российском понимании) и детей, у которых родители лишены родительских прав; нет проблемы алкоголизма, нет проблемы наркомании (Ближний Восток – не постсоветская Средняя Азия и не тем более Афганистан); нет злостного хулиганства.

Тысячами невидимых социальных ниточек связаны тут все, так как Семья – это не только муж, жена и их дети <...> это все те, кто носит как фамилию отца, так и матери (женщина здесь имя при замужестве не меняет (да и религию тоже), так что путаницу в генеалогию не вносит). А пословица “свой своему поневоле – брат” <...> отражает глубину и широту тех прочных родственных связей, которые и являются своеобразным регулятором, сдерживающим или, наоборот, стимулирующим фактором для членов данной семьи и общества в целом. И это учитывать необходимо, потому что многослойность, многомерность восточного общества становится для “чужака” топким болотом, где он вязнет тем быстрее, чем резче, однозначнее и бескомпромисснее (без кофе по-восточному) делается попытка разрубить “восточный узел”.

Приехав на Восток, я была очень удивлена тому, что здешняя женщина совершенно не страдает от того, что она не зарабатывает деньги. Восточный образ жизни строится на четком разделении по полу (мужчина – женщина), по возрасту (старший – младший) и по статусу (начальник – подчиненный). Я бы сказала, что здесь еще не перепутана физиология с психологией, что понятие “иерархичность” не находится в противоречии с понятием “равноправие” (да они и не должны быть в противоречии, если мы говорим о мире объемном, а не плоском). В обычной жизни Сирии женщина имеет право и на учебу (обучение <...> бесплатное), и на работу (на стройку

ее, конечно, не возьмут, а вот госслужащей – пожалуйте), но дом, дети и муж для нее – святое. При прочих равных условиях она выберет, скорее, “домохозяйство”, чем работу “с утра до ночи”, даже за очень хорошую зарплату. Словом, между материнством и карьерой восточная женщина выберет ребенка. И этот выбор будет обществом одобрен и оправдан, так как воспитание детей, ведение дома и создание для мужчины “тихой пристани” здесь считается работой трудной и уважаемой. Я уже говорила, что статус женщины-матери очень высок, а в какой-то мере этот статус даже выше статуса мужчины.

Думаю, не только женщины меня поддержат в том, что женщина в семье – вечный труженик, стахановец. И я теперь точно знаю, что в нормальном обществе не должна сложиться такая однозначная ситуация, когда этот труженик вынужден будет выбирать между делом своей жизни (а для женщины ее семья – это самое главное) и работой “на дядю”. И пусть перестанут лгать, что восточная женщина в семье “эксплуатируемая”! Это она на производстве будет эксплуатироваться (как и любой человек наемного труда), а в *своей* семье она тратит силы и время на *своих* детей, на *свой* дом, на *своего* мужчину. И не вижу я никого унижения, если за мужчиной, который является отцом ее детей, кормильцем-добытчиком и защитником, женщина трепетно ухаживает. <...> мужчина обязан (!) содержать семью и в подавляющем большинстве семей это именно так. Иногда для того, чтобы обеспечить жену и детей, он работает на нескольких работах, но это, что называется, его проблемы. Женщина здешняя в данном вопросе особенно “руки не подставляет”, но и не понукает мужчину (как у “эмансипированных” женщин бывает).

Мужчина с восточным менталитетом – хороший семьянин. Меня, помнится, очень удивил тот факт, что здешние мужья очень хорошо ориентируются, что купить жене и детям из одежды, знают размеры всех. Вообще, здесь редкий мужчина домой приходит с пустыми руками, так как покупка продуктов и вещей повседневного пользования тоже чаще всего входит в его обязанности. Правда, он приходит к готовому обеду, к убранному дому и к ждущей его женщине, что, может быть, и стоит тех напряжений, которые гарантируют ему этот домашний очаг.

Денежные вопросы тут тоже решаются, по-моему, в пользу женщин. <...> мужчина для женщины “банк с открытым кредитом”. Никаких смущений и рефлексии в этих вопросах у местных женщин нет. Они воспитаны в четкой ролевой установке: раз ты – мужчина, то твоя прямая обязанность сделать так, чтобы я и наши дети были довольны. Вот почему один из частых вопросов, который мужчина задает своей женщине: “Ты довольна?” Но и обязанности свои женщина знает четко: знает, что если она

хочет, чтобы мужчина старался для нее, то она должна создать ему в доме покой, должна поднимать его статус перед гостями и друзьями, должна воспитывать детей в уважении к отцу. Ни разу я не слышала ни от сестер моего мужа, ни от жен его друзей, ни от моих многочисленных соседей каких-либо замечаний своим мужьям при посторонних, не видела прямого “встревания” в процесс воспитания отцом своих детей. Это потому, может быть, при закрытых дверях, будут сказаны резкие слова, но при людях – никогда! И если мне скажут, что такое положение вещей, это – “ущемление права женщины на свободу слова”, то я пожму плечами и удивлюсь такой способности перепутать “божий дар с яичницей”. Словом, восточная женщина умеет защитить свои “женские привилегии”, которые ей гарантирует семейный уклад жизни».

Письмо 4. «Дети – альфа и омега восточной семьи»

«Многодетность в восточных семьях, с моей точки зрения, помимо простого желаяния мужчины и женщины быть родителями, имеет вполне конкретные осязаемые стимулы. И первый стимул лежит фактически на поверхности, так как он материален и связан с тем, что в основе законодательных актов (даже светского государства), которые регулируют жизнь мусульманской страны, лежит Коран. А он, Коран, является такой религиозной книгой, в которой совершенно четко сформулированы права и обязанности каждого члена общества, а, значит, любой законодательный акт государства, которое считается мусульманским, должен, как минимум, *не противоречить* тому, что сказано в Коране <...>.

Итак, в силу того, что рассказываю сейчас об институте семьи, то откроем суру, которая называется “Женщина”. Место ее почетно, она расположена фактически в самом начале Корана (ее номер 4, а всего сур – 114), и объем один из самых больших (уступает лишь суре № 2 – “Корова”). Значение этой суры в регуляции жизни общества очень важно, так как в ней дается четкая система наследования. Если учитывать тот факт, что восточный мужчина женится достаточно поздно, а берет в жены, как правило, девушку много моложе себя, то вопрос наследования при его смерти для жены – не праздный. Так вот, значение в величине доли наследства играет наличие у женщины детей (особенно сына).

Второй стимул – в мусульманском обществе, где разрешено многоженство – не дать появиться конкурентке, а для этого надо <...> рожать. Дело в том, что в Коране есть четкая регламентация обязанностей мужчины в отношении нескольких жен. Это можно свести к формуле – *всем женам все поровну* – что означает: мужчина должен обеспечить каждой жене отдельное жилье, средства на ведение хозяйства и участие свое в воспитании детей. Вот восточные женщины и “не ленятся” создавать для мужа

цейтнот, рожая нового члена семьи, чтобы не было ни свободных денег, ни времени, ни сил на реализацию своего права быть многоженцем.

Стимул третий – экономическая защищенность в старости (особенно защищена мать!), если есть дети (особенно сыновья!).

А как та атмосфера, которую создают базовые нормы Корана, влияет на конкретную практику законотворчества в Сирии? Здесь, например, есть закон наследования пенсии. Он заключается в том, что, если человек работал у государства, то пенсию мужа после его смерти будет получать жена (если она не работает у государства или не имеет свою пенсию), или дети, если остались сироты, или любой другой родственник, который не получает от государства зарплату или пенсию. Согласно этому закону, например, родная тётя моего мужа получает пенсию своего сводного брата по отцу.

<...> аборт в Сирии официально запрещены, а значит, в государственной больнице эту «услугу» женщине не окажут. Врач же, делающий аборт частным образом, всегда находится под дамокловым мечом, и встреча со слугами закона – как дело времени, так и везения. Более того, если женщина хочет сделать операцию по предотвращению беременностей, то это ей сделают лишь при письменном согласии мужа. Правда, и случаи, когда мужчина бросает женщину с детьми без средств к существованию здесь крайне редки, так что женщины рожать не боятся.

И последнее, что хотелось бы написать о законе семьи и брака в Сирии, который особенно хорошо, по-моему, оттеняет высокий статус мужчины в обществе как кормильца (для слабых) и гаранта социальной перспективы (для малых): единственного сына (дочери не в счет), а значит, и чьего-то будущего мужа в армию не призывают.

<...> в современном восточном обществе еще работают те нормы и законы, которые обеспечивают мужчине высокий статус. С одной стороны, они создают мужчине условия реализовать свое главенство в семье, а с другой – дают женщине <...> чувствовать себя защищенной от превратностей жизни “широкой мужской спиной” на протяжении всей своей жизни».

Письмо 5. «Поле битвы – простое семейное счастье»

«Восток, как я уже писала, живет кланово, а это значит, что единицей общества является не отдельный индивид, а некая ячейка близких родственников, называемая семьей. Такая система общества, с одной стороны, индивида связывает неписаными моральными нормами (словно Гулливера лилипуты тонкими нитями), но, с другой стороны, это ему гарантирует защиту от превратностей жизни и даже закона государственного<...>».

В понижении уровня рождаемости среди русской части российского населения обвиняют обычно либо женщин: мол, рожать современные женщины не хотят (позиция мужчин), либо мужчин: не от кого рожать (позиция женщин). Можно долго спорить, какая позиция верна, но, по-моему, верны обе, и обе <...> ошибочны. Женщина российская, как мне кажется, не спешит быть матерью, потому что, вероятнее всего, ее ждет судьба матери-одиночки или “разведенки”, а мужчина – отцом, потому что система общественных отношений не дает ему возможность стать, действительно, главой семьи. А обоим – и мужчине, и женщине – статус родителей в современном российском обществе лишь осложняет, а не облегчает их отношения с окружающими. Помнится, в бытность мою жизни в аспирантском общежитии (в столице северной) впервые я столкнулась с иностранцами. Иностранцы в нашем общежитии были в основном из Египта и Сирии, ну совсем чуть-чуть – из африканских арабских стран. И вот разговор у меня был один памятный, с одной аспиранткой-египтянкой, красавицей. Я задала вопрос (для женщины из страны победившего социализма совершенно стандартный и интригующий) о многоженстве в стране тогда дальней-чужой-сказочной. Самира (так звали мою собеседницу) смутилась сначала, а потом мне вопросом на вопрос ответила: а разве лучше, если женщина одна, чем, если она замужем? Для меня в ту пору этот вопрос даже абсурдным показался, так как внутри был готов ответ (словно лозунг коммунистический): конечно, лучше одной, чем с мужем – “сынком маменькиным” или пьяницей, а рыцари трезвые – это не про нашу сегодняшнюю жизнь! И лишь приехав сюда, на Восток, в Сирию, поняла всю правду слов той египтянки. Действительно, в этом обществе все так на мужчину завязано, что лучше быть женой (пусть и номер два), чем старой девой или брошенной, так как никакое материальное обеспечение, никакое образование не компенсируют того неудобства каждодневного, которое гарантировано ей статусом незамужней женщины. Жить в восточном обществе незамужней некомфортно, не престижно, почти стыдно. Ведь если девушка оказалась старой девой, то, вероятнее всего, ее круг общения будет со временем лишь сокращаться, а проблемы с организацией жизни лишь увеличиваться, потому что жить ей придется, вероятнее всего, после смерти родителей в семье кого-нибудь из ближайших родственников, и совсем не обязательно у тех, у кого ей хочется, а у тех, кто на себя возьмет заботу о ней (но кто-то возьмет обязательно!).

У мужчин жизнь холостяцкая проходит, конечно, легче, чем у женщин жизнь незамужняя, так как они в обществе более свободны изначально (по статусу), но с какого-то возраста статус “вечный холостяк” превращается в показатель социальной “неуспешности”. Все дело в том,

что обзавестись своим домом (семьей) на Востоке можно только при определенном уровне дохода и положения, и раз мужчина не женат, то значит, нет успехов в делах и карьере, а что для мужчины может быть обиднее, чем материальная и деловая несостоятельность?

<...> на Востоке женщина быть женой и матерью стремится не столько потому, что ей будет житься лучше и легче, а сколько потому, что без “мужского прикрытия” ее ждет жизнь много ниже статусом. А вот у женщины Запада одно из другого однозначно не следует. Более того, западный образ жизни дает женщине свободу от мужчины до такой степени, что она может вполне быть успешной (1) без мужа, но с детьми, (2) без детей, но с мужем, а главное – (3) одновременно и без того, и без другого – в свободном полете-поиске. Для женщины это хорошее условие для интеллектуального развития, так как дает возможность свести влияние пола до минимума, сбросить с себя обязанности по деторождению и тем самым выиграть время и право на развитие своей личности. Мне кажется, что современная “западная” женщина, сорвав плод с дерева мужских привилегий на свободу интеллектуального поиска и “свободное плавание” в социуме, от него уже не откажется (к тому же общество дает ей возможность достигать высокого статуса без завязки на семью и на деторождение). Это значит, что и в дальнейшем женщина “западного типа” не будет стремиться к созданию крепкой семьи, а значит, и рожать детей много и с готовностью, а прирост населения будет происходить за счет женщин, которые на мужчину завязаны традицией и статусом <...>».

+++

Итак, «женщины уезжают в Сирию и вполне комфортно живут там, если у них все хорошо в доме, если она находит свое женское счастье, если у нее хорошие отношения с мужем, если у нее нормальные отношения с родственниками. Если женщина настроена на семью, то она живет там достаточно счастливо. Если бы не война!

Вооруженный конфликт в Сирии продолжается с 2011 г. Лишь в конце 2017 г. впервые было объявлено о победе над террористической группировкой ИГ³ в Сирии. И хотя в настоящий момент на первый план выступает политическое урегулирование, восстановление Сирии, возвращение беженцев, вопреки объявленному режиму прекращения огня, сопровождается вспышками агрессии террористов, захватами заложников, обстрелами жилых кварталов городов и населенных пунктов.

Войну сама Нина и ее муж переживают в России, куда семья уехала еще до начала военных действий в Сирии. В годы войны многие соотечественницы перебрались на историческую родину: слишком ве-

³ Запрещенная в России исламская террористическая организация.

лик был риск оставаться под обстрелом и бомбежками. Выезжали целыми семьями. «Восточный мужчина начинает думать, когда возникает какая-то ситуация, как, например, сейчас в Сирии. Мужчина сразу начинает думать о семье, как спасти и обезопасить жену и детей. Я знаю несколько семей, у которых достаточно сложное материальное положение. Когда в Сирии возникли сложности, первое, что сделал мужчина, — нашел деньги для того, чтобы отправить женщину в безопасное место. Куда? К родителям в Россию <...> Моя подруга живет в городе Хама. Там начались военные действия. Так муж сразу вывез их из города. То есть ответственность за семью, за здоровье и жизнь женщины и детей у них прописана с детства», — подчеркивает Нина [8].

«Не только детей вывезли, но и мужей. Выехали в Россию или в свои родные республики <...>. Про всю Сирию я не могу сказать. Мы дома сидим, здесь у нас почти никого не осталось. Все русскоязычные давно выехали. Всё дорого стало. Опасно. Стреляют иногда, иногда бомбят», — рассказывала в 2013 году, в разгар военных действий в Сирии, одна из наших соотечественниц, живущая в Ракки [9]. «И знаете, просто нет желания даже выйти в город. Потому что те люди, которые у нас здесь находятся, — очень неприятные люди. Это не местные люди, они из Афганистана или, не знаю, откуда там — из разных, в общем, стран собрались. Они, конечно, здесь плохие дела делают» [9].

В Алеппо, другом сирийском городе, который некоторое время назад был захвачен террористами, оставалось немало россиянок, еще в мирное время вышедших замуж за сирийцев. Здесь война научила русскоязычную общину единственному способу победить страх и выжить — держаться вместе. Традиционно по-русски собирались за накрытыми столами: русские, и украинцы, и арабы, и узбеки, и татары — вдовы, потерявшие своих мужей во время бомбежек, жены сирийцев — «советские» сирийцы, их дети и внуки. Война объединила всех. И уезжать из Алеппо, по крайней мере, старшее поколение соотечественниц не собиралось, хотя опасалось обстрелов. Отношение к русским и России в Сирии всегда было теплым [9].

По словам женщин, Сирия — их вторая родина, родина их детей и еще многих сирийских детей, оставшихся сиротами, которых тоже надо воспитать, дать образование, подарить им родительскую любовь, которой их лишила война. «Могу лишь снова повторить прописные истины о том, что сиротство, безотцовщина и подмена семьи общественными организациями приводит к увеличению числа либо потенциальных нахлебников, либо потенциальных преступников...», — подчеркивает Нина. По ее мнению, «все эти вещи — <...> самое главное, потому что ценность <...> диа-

споры именно в этих детях и в мужьях. <...> женщины выходили замуж за людей с высшим образованием, и многие из них имеют хороший статус в этой стране. Многие доктора наук, врачи, и женщина, когда она понимает, что через нее идет эта связь двух миров, лично не делает карьеру, но она, может быть, делает что-то большее. Она – делегат России в арабском мире» [8].

Ссылки

1. Boszormenyi-Nagy I., Krasner B. Between Give and Take. A Clinical Guide to Contextual Therapy. Brunner/Mazel Publishers. N. Y. : Brunner-Routledge, 1986. 117 с.
2. Erikson E. H. Life Hisrory and the Historical Moment. N. Y., Norton; First Edition, 1975. 272 с.
3. Митина С. И. Специфика языка философского эго-текста // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 32–39.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.
5. Cooley С .Y. Social organization : a study of the larger mind. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1909. 426 с.
6. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N. Y.: Revised and Enlarged Edition, 1968. 666 p.
7. Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // СОЦИС. 1994. № 8–9. С. 3–15.
8. Женский путь в Сирию // Голос России. 2011. 7 сент. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/11021167-zhenskiy-put-v-siryu/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).
9. Соотечественники о положении в Сирии: Все русскоязычные давно выехали. Всё дорого стало. Опасно. 02.09.2013 // <https://ruskiymir.ru/publications/88175/> (дата обращения: 22 декабря 2019 г.).